

1942, осень. Крым. Парад крымско-татарского полицейского батальона «Schut».

Лариса Бабиенко, главный редактор газеты «За СССР!»

ВЕЧНЫЕ СОЛЯНЫЕ СТОЛБЫ

[статья вторая]

ВСЕ ПРИЗВАННЫЕ В КРАСНУЮ АРМИЮ В КРЫМУ СОСТАВЛЯЛИ 90 ТЫС. ЧЕЛОВЕК, В ТОМ ЧИСЛЕ, 20 ТЫС. КРЫМСКИХ ТАТАР... В 1941 ГОДУ 20 ТЫС. КРЫМСКИХ ТАТАР ДЕЗЕРТИРОВАЛИ ИЗ 51-Й АРМИИ ПРИ ОТСТУПЛЕНИИ ИЗ КРЫМА...

Диля взяла в руки швабру и начала мыть пол. В этом доме — вся современная бытовая техника. Однако на книжной полке — лишь Коран в нескольких переводах и донельзя старые книги, которые мы читали еще в школьные годы: То, что осталось от прежней жизни и еще не выкинуто на помойку.

На телеэкране в это время мелькнула бывший депутат Верховной Рады Украины Наталия Витренко, которая знала компьютер, превосходно владела речью, с высшим образованием, посетила в составе делегаций десятки стран, создала Социалистическую партию и очень переживает за тех, кому нынче плохо. В Украине ведь во втором чтении принят закон об отмене 8-часового рабочего дня. И эти высокие позиции Наталия Витренко достигла только за счет собственного трудолюбия, ума и таланта.

Диля после выхода на пенсию ни одного дня не работала, не написала ни одной статьи, ни разу не открыла компьютер, не участвовала ни в одном в общественном движении за улучшение жизни в нынешней Украине и закончила в свое время техникум лишь заочно.

Крымско-татарский народ большей частью не взял на себя никаких обязанностей по защите Советского Союза в войну, уклонился от этого святого для каждого нормального человека долга. Помогая немцам, зубами держался за возможность пограбить «лишних» и убить. Радовался земле, которую выделили им фашисты, окончательно разорившие колхозы.

Однако правами своими после Победы Советского народа депортированные не пренебрегали. Лечились, как и все, бесплатно. Женщины рожали бесплатно, семьи получали квартиры. Их ни в чем не обошли, все было в стране поровну. И почти вся крымско-татарская поросль в советское время получила бесплатное высшее образование.

Хотела было поступить в институт и Диля, но тут себя переоценила, сама себя подвела, ибо в своем сознании так извратила советскую жизнь, так ее изуродовала, что стала жертвой собственных же умозаключений.

— При поступлении в Педагогический я выбрала тему сочинения «Ленин и революция», — вспоминает она. — И меня чуть не отправили по «ленинским местам» за... кровавый оборот речи. Меня тогда чуть не посадили... Но я ни о чем не жалею...

Любуется хозяйка коттеджа собой, думая, что и я присоединюсь к этому же восхищению. Но я — не Лев Ефимович и не те мальчишки, которые когда-то преклонялись перед необыкновенной внешностью девочки из нашей школы. Жизнь научила меня ценить человека лишь за то, чего он сам в жизни добился, без ворованного золота в кармашке и без хитростей на физиономии.

— Как тебя занесло в контрреволюционную тему? — удивилась я и напомнила, что школьники тогда вообще были без критического восприятия прошлого. Нашему поколению был открыт великий коридор! Кем бы ни были родители, поступай в любой институт. Без мошенничества и материальных затрат. Делай жизнь свою без какого-либо страха за себя. Иди и иди вперед. Но Диля (по собственной воле) оглянулась, и едва не превратилась в соляной столб. То есть, устроила себе само-арест.

— Как ты выпуталась из той ситуации?

— Не судьба была оказаться мне в Красноярском крае, — притворно вздохнула землячка, — прокурором оказался наш родственник, и при мне мое сочинение было уничтожено.

Татарский телеканал АТР, который действует в Крыму на средства бизнесмена Лянура Ислямова, заработавшего миллионы горбом русских тружеников (а может новых рабов), показывал концерт крымско-татарского ансамбля, и какой-то певец, выхолненный донельзя мужик, рыдаючи, пел, что у него не было молодости, потому что она прошла не в Крыму.

— Чего вы, татары, все время ноете? — спросила я Дилю. — Почему вы все время говорите, что вам было в Узбекистане плохо? По сравнению с русскими вам жилось просто отлично. Я это видела собственными глазами. Ваши люди были в торговле и на руководящих должностях...

Со слов другой моей приятельницы крымско-татарского происхождения, родители которой уже умерли, потому не было ей смысла скрывать правду, я уже знала, что крымские татары имели свой общак, на который

содержали в горах Средней Азии подпольный скот, потому и жили намного лучше русских.

— Да, мы должности покупали. Мы, татары, всегда давали взятки. И всего добиваемся взятками... Мой зять в российский консульстве работает. Какая доходная должность! Кому визу попридержать, кому сразу дать... Помимо этого бизнес свой... Дочь моя живет в России, три внука.

Я облегченно вздыхаю. Наконец-то нашлась тема, в которой мы уже не будем антагонистами, коль внуки ее в России. Я рассказываю о ситуации в наших городах, нахожу в Интернете выступление генерала Леонида Ивашова.

— Убери его, — вдруг поморщилась Диля. — Не могу слышать... Россия все оккупировала. Куда ни глянешь, все оккупировала Россия. А зачем нам Лермонтов, Пушкин? Крым — земля Османов! И все равно будет землей Османов.

— Как? — удивилась в свою очередь я. — Прежде в Крыму жили греки, и везде тут знаки греческого присутствия: они тоже имеют право заявить, что это их земля, хотя и до них Крым знал многие племена и народы? А захваченная турками Византия?..

Диля подняла голову, глянула сквозь меня и вдруг прошипела:

— Если ты еще это скажешь, получишь ножиком в бок! Я ведь жестокая! Я могу убить...

Вот это признание! Ни в чем нельзя, оказывается, перечить хозяйке дома. И правда должна, будто пес, трусливо залезть под табурет, испуганно оттуда выглядывать, при этом умильно помахивая хвостиком. Как же тогда наше общее детство, друзья, один город на двоих?

— Мне, конечно, можно сунуть ножиком в бок, — несмотря на угрозы, спокойно возразила я, — но Истории ножик в бок не сунешь. Она топора, и даже атомной бомбы не испугается.

По Кучук-Кайнаджирскому договору Крым вошел в состав России. Вернуться в Турцию юридически? Когда Турция объявляла себя республикой, она не утвердила себя правопреемницей Османской империи.

Так что Османов давно в Истории нет. И еще на совести кочевых турков-сельджуков родом из Средней Азии — оккупированная Византия, коренное население которой — армяны и греки — время от времени на этих землях вырезали. А Кипр?.. На наших же глазах...

Но, следуя логике Диля, коль Крым все равно будет землей Османов, значит, греки имеют право потребовать очистить Турцию (то есть, Византию) от... турков?

Кстати, турецкий фильм «Великолепный век», несмотря на ужасное положение каждой женщины в гареме, даже султанши, Диля смотрит с придыханием, как письмо счастья нынешнего дня, как сигнал... К чему только этот сигнал, если дочь, внуки ее, семья брата живут в России? А дочь открыто заявляет матери: «Я — украинка, и ко всему «этому» не имею никакого отношения». То есть, дочь не хочет жить жизнью крымско-татарского соляного столба.

Хозяйка коттеджа недовольно поджала губы. Она надеялась найти в моем лице малокомпетентного и податливого человека, которому можно навесить любую лапу на уши, но, увидев, что я смыслю в кое-каких вопросах, решила дожать меня с другого бока. Увидев, что я никоим образом предательство не признаю за норму, принялась давить с другой стороны.

— Ты бы знала, как депортированных унижали! Учительница русского языка оставила меня на второй год потому, что я депортированная!

— Моего братика тоже оставили на второй год из-за русского языка, хотя наша семья не была депортированной.

— Ах, вот как? Вы не были депортированными? Зачем тогда твоя мать приехала в Среднюю Азию? Чтоб издеваться над бедными крымскими татарами?

— Моя мама в животе со мною рыла под Ростовом окопы, потом, ты знаешь, работала проводницей. Твой отец в этом же поезде был начальником вагона-ресторана. Как она могла издеваться над твоим отцом? Прекрати истерику. Что ты молотишь?

Но спектакль не кончился. Диля победы надо мной пока не добилась и на колени перед собой еще не поставила с протянутым к нею «прости».

— Даже на выпускном вечере я не была! — выкрикнула она. — Меня же Игорь избил до полусмерти. Все лицо у

синяках. Но я молчала, чтобы не бросить тень на школу. Меня из рук Игоря вырвали Саша и Гена. Вот что такое быть депортированной!

Лично я в школьные годы не слышала, чтобы Дилю избивали. Но спросить об этом некого: Игоря, Саши и Гены нет в живых. Возможно, потому они и живаны, что их уже нет. Но перезваниваю их близкому другу Сергею, и тот отвечает, что Диля была на выпускном вечере, а про побои выдумала.

Но зачем эти мини-спектакли, эта кривая, изуродованная, с вырванной сердцевинкой, правда, которая удобна только Диле? Может подобными речами с надрывом эта «невинная жертва» и добывается каждый раз своего? Именно этим берет верх над любым человеком, в том числе, и над мужем — сыном фронтовика? Хотя к русским отношение у нее определено и по поводу своих одноклассников она кидает вдруг многозначительно:

— Они навсегда останутся для меня инородцами...

— Гена же за тобою ухаживал!

Диля презрительно поджала губы:

— Скажите спасибо, что мы, татары, научили вас, русских, мыть руки после туалета!

— Мы никак, к сожалению, не научим вас уважать людей и другие народы, — пикировала ответ я и задала свой вопрос: — Почему ты не училась в национальной школе? Близость веры, языка... И никто не оставил бы тебя на второй год.

На этот вопрос ответ тоже давно готов:

— Мои совещались по этому вопросу дома и решили, что узбеки — это другой народ... Мы не должны быть с ними. Нам не надо было с ними сблизиться.

— Но мечеть одна.

— Мечеть одна. Я приходила из школы домой, а мои стояли в это время на коленях и молились. Я кидала в угол портфель, прыгала им на спины, каталась по ним, а они все молились, все терпели... Моя бабушка в 90 лет поломала шейку бедра, в больнице врачи поставили ей капельницу, суетились вокруг нее, переживали, а бабушка рвала провода и говорила своей дочери: «Убери это, не хочу жить. Не могу смотреть на эти морды. Ненавижу их...»

«Эти морды»... Это врачи, которые делали все, чтобы облегчить страдания старушки. Выходит, что и узбеки, которые приняли в свои селения тысячи депортированных крымских татар, оказались им чужими. И русские, бок о бок с которыми они жили самые трудные годы, тоже ими в душе приняты не были.

— За что мне в школе бойкот объявили, вот объясни, за что?

Об этом случае знали и в соседних классах. Школьники на хлопке получили за работу первые деньги. И решили немного поозоровать. Девочки купили кагор, чтобы узнать, что это такое? Учитель ушел на центральную усадьбу, а девочки с яркой лампой на столе сели на повернутой к дороге веранде, которая просматривалась издали. На часах поставили Дилю. И только залюбовались красиво искрящимся при свете лампы напитком, как спустя мгновение все похолодели. Учитель стоял на крыльце и со строгой укоризной глядел на провинившихся. Диля, так и не подав сигнал об опасности, безмолвно смылась в кусты. Вот за эту подлость ей и объявили бойкот.

— Знаешь, как мне тяжело тогда было? Целый месяц со мной никто не разговаривал.

Признать, что она своей трусостью подвела одноклассниц, моя бывшая землячка не пожелала даже спустя полвека, однако истечь слезами по этому поводу, обвиняя во всем других, как видим, не прочь.

Также ведет себя и ее народ. Нагнетает и нагнетает десятилетиями истерию вокруг себя.

Советская власть всех детей обогрела, никому о прошлом ее родителей не напомнила. Я в детстве жила среди депортированных, но даже не знала об этом до 1991 года. Все же равно были включены в жизнь. Однако молодые крымско-татарские отпрыски, бойкие и незадумчивые, сами решили за дела своих отцов ответить, и по сей день, как галчата на соляных столбах, кричат и кричат на площадях о том, как обидели их родителей. И до лампочки им, как в войну около их родов и гнезд страдали другие народы, сколько слез пролили дети, по вине крымско-татарских полицаяв оставшиеся вдруг без своих родителей?

— Правильно, — говорила только о своем Диля. — Нам должны вернуть все... Землю, дома...

— Семьям уничтоженных партизан, семьям выданных подпольщиков ничего ведь крымские татары не вернули...

В этот момент передо мной открылось величие людей, которые в Великую Отечественную войну потеряли детей, любимых мужчин, матерей, отцов, не говоря уже об имуществе, но никакую мзду никогда не требовали от своего государства, ибо считали: у Родины не отнимают, Родине только дают. Как же прекрасны женщины, которые впрягались в плуги и тасили их на себе, лишь бы накормить своих и чужих детей. Как же бескорыстны наши мужчины, которые даже немецким детям в погибающей Германии протягивали кусок хлеба! Как велики все те, кто шел в разведку, преодолевал ледяную морскую пучину на северах, брал Кенигсберг и Варшаву, лишь бы мы, будущее поколение, не втягивали головы в плечи в солнечный день от звуков летящего лайнера. Знали ли эти бойцы, что среди нас, будущих, окажутся стаи пираний!

— Но был же геноцид!

— А по отношению к тем, кого тасили на расстрел, геноцида не было? Крымско-татарский межджлис обязан работать именно над этой темой. Чтоб будущее было правильным!

— Что ты прицепилась к татарам? — выкрикнула в гнев хозяйка дома, забыв уже, что с просьбой написать о депортации обратилась ко мне сама. — Русские не предавали?

— Предавали. Только были за это расстреляны. Либо отсидели свое. Ехать же в вагонах с золотыми слитками в мешках в теплую Среднюю Азию, притом, со своими мужчинами, — это не геноцид. Да еще с твоих слов... с вежливой охраной... Это просто переселение. Это ненаказанное преступление ваших отцов, которое позволяет вам нынче всем народам трепать нервы. И требование «все вернуть» — из той же серии: хочется опять пограбить, опять поставить других на колени. Не силой, как в войну, так истерикой, как нынче. При случае же... поорудовать и ножичком.

— С ума сошла, ты о чем говоришь? — возмутилась Диля.

— В газетах пишут, — напоминаю я своей бывшей землячке, — что 19-летнюю девушку Катю Корень, которая принимала участие в конкурсах красоты, трое мусульманских парней забили камнями в Крыму, заявив, что она казнена по законам шариата.

— Не знаю, не слышала, — ответила спешно хозяйка дома и отвела в сторону глаза.

Приходится напомнить еще и о том, что среди бела дня на улице города некий Сервер Ибрагимов, 23-х лет, с криком «Аллах акбар!» перерезал горло пятилетнему Вите Шемякину.

— Зачем это? Татары продолжают войну?

— Этого не было, — с невинным видом отрицает очевидное Диля и вдруг проговаривается: — Мы тихо-тихо ждем своего часа!

— Какого? Кто ждет?

В ответ — молчание.

— Для нас война закончилась много лет назад, а для вас продолжается? Чтобы через поколение взять реванш? Для вас по-прежнему не существует государства?

— Эта земля... мусульманская, — услышала я жесткий ответ.

Религиозно-племенной подход к жизни у моей землячки, оказывается, превыше всего! И это — несмотря на 30 лет жизни с русским мужем, несмотря на живущих в России внуков.

Диля почему-то уверена, случись вдруг вновь смутные времена, семья пойдет за нею до конца. Но спросила она своих внуков, бросят ли они обжитые в России места, чтобы воевать за интересы мелкой крымской общины, мечтающей о жизни в Крыму по Шариату? Может, видится ей, что и у ее потомков будут рабы, которые своим горбом нарабатывают шикарную жизнь и им?

Значит, случись вдруг война, Диля спокойно будет глядеть на то, как опять придется шагать людям в страшных рабовладельческих колоннах?

Бедный Лев Ефимович, который в земной жизни так любил танцевать с девушкой в нежном крепжоржетовом платье! Диля не оправдала его надежд на знание Истории, из которой помнила лишь то, что ее устраивало.

Вот он ключ к разгадке поведения тех людей, которые Российской империю, а затем и Советский Союз, считали не Родиной, как мы, а лишь местом пребывания. Вот он ключ к предательству некоторых народов по отношению к большой и крепкой стране, когда с нее уже нечего потянуть.

Сколько же недалеких русских людей после революции ушло на Запад, предпочтя верность религии верности Родине, ибо государственный постулат дореволюционного времени гласил: «За Веру, за Царя, за Отечество». То есть, за Отечество лишь в последнюю очередь.

Сколько мужчин, женщин и детей полатились жизнями лишь за то, что сосед в войну считал своей Родиной религию, а не свой дом. Когда важнее мифические ценности, а не реальные.

Этот ключ приподнимает человека в нормальные дни, будит ощущение исключительности, непохожести на других, иллюзию общения с высшими, только им будто бы доступным необычайным ценностям.

Этот же ключ воспитывает неуживчивость с другими народами, желание непременно отодвинуться от не совсем верного, по религии, образца, тягу к распре. Такие люди — вечные соляные столбы, которые ради мифа могут пойти на любое преступление, что наши отцы и увидели в войну, когда надо было защищать Родину, а предатели, лелея под рубашкой религиозно-племенную спесь, кинулись растерзывать тысячи людей вокруг не «их формации».

Газета «Азат Крим»: «Наш освободитель! Мы только благодаря Вам, Вашей помощи и благодаря самоотверженности ваших войск, сумели открыть свои молитвенные дома и совершать в них молебны. Теперь нет и не может быть такой силы, которая отделила бы нас от немецкого народа и от Вас. Татарский народ поклялся и дал слово, записавшись добровольцами в ряды немецких войск, рука об руку с Вашими войсками бороться против врага до последней капли крови сражаться за выдвинутые Вами великие общечеловеческие идеи ...» Эти «великие общечеловеческие идеи» перемололи в мясорубке 50 миллионов жизней.

— Как, по-твоему, что будет с Крымом? — с тревогой в голосе спросила меня вдруг Диля.

— То же самое, что с Россией и Украиной. Ты же знаешь из телепередачи обозревателя Одесского телевидения Виктора Орла, что в Крыму, в Очакове, строится военная американская база. Для чего?..

Глаза у хозяйки коттеджа засверкали:

— Значит, подчинимся американцам... — с притворным смирением произносит вдруг она. — Может хуже будет, вдруг и лучше... Мы опять воевать не будем.

И ни слова о том, что надо бы противостоять бешеному напору несправедливой пропаганды, вбивающей огромный кол между Россией и Украиной, который не даст возможности объединиться нашим народам в случае очень грозных грядущих событий.

Впрочем, Диля уже готова к приходу следующих завоевателей. Вероятно, и ее народ также смотрит на жизнь, коль так отчаянно недоволен жизнью, хотя на какие только уступки депортированным не идет Украина нынче, лишь бы замирить свои народы? И электричество уже у крымских татар бесплатное, и вода (по утверждению Диля). И самозахваты земель прощены. И чем больше дает государство, тем больше скандалов, «как нас, несчастных, обижают. Нам все должны». Только они, видите ли, никому ничего не должны, особенно тем, кого их предки убили или растерзали в войну. И это притом, что их отцы из будущей Победы сбежали. К тому же очень ретиво.

Тогда? Позволю и я хотя бы себе задать вопрос, что будет, если события и впрямь пойдут по худшему для России и Украины сценарию?

А тогда все повторится, как и в Великую Отечественную войну. Завоеватель использует тех, кто готов целовать ему руки, чтобы выполнить любую грязную и неприличную работу по уничтожению славянского населения.

Диля приподняла голову, как-то восторженно глянула вдалеку.

— Но...

Истории помнит, в ту войну «союзники» не до конца поняли друг друга. Предатели надеялись, что с помощью немцев добьются создания такого ареала обитания, в котором пребывать будут лишь они, мол, гитлеровцы почему-то как дым исчезнут из Крыма. Для чужих, как говорится, очень старались. Для чужого счастья под сталинскими «Катюшами» в труху, в пыль превращались...

Гитлеровское же руководство, стимулировавшее неожиданных добровольных помощников, после того, как был бы сломлен Советский Союз, ликвидировало бы как ненужный балласт всех, кто не принадлежал к арийской расе, тем более крымских татар, как малый осколок весьма неграмотного по тем временам, не нужного им мусульманского мира.

Предателям, однако, крупно не повезло. Победа советского оружия, которое они так ненавидели, спасла их в дальнейшем от гибели в тех концлагерях, в которых они прежде гнобили других.

— После победы американской военщины, — предупредила я Дилю, — все народы ждет судьба... индейцев в резервации. Или расстрелы населения прямо с вертолетов, как в Ираке и Афганистане.

Лицо хозяйки коттеджа вытянулось. Не такого желала бы она своим внукам.

Мы пошли к поезду. На тропке Диля не позволяла идти рядом с нею и все спихивала меня к камням. Она же элита! Все лучшее должно принадлежать только ей. Лишь потому, что ее отец когда-то наворовал много золота, а дед имел рабов, хотя крепостное право, то есть рабство, в России была запрещено.

Когда-то Муса Джалиль, погибший в Моабитской тюрьме в Германии, написал следующие строки: «Я клятву дал — служить / своей Отчизне, / Пока живая кровь / гудит во мне. / Да если б ты имел / и сотню жизней, / Ты разве бы / не отдал их стране!..»

Этот святой завет оставил нам татарин. Другой татарин. Советский. И о таких немало написано. Много хорошего...

Моя мама полвека работала проводницей, и как-то рассказала, что в 1948 г. Сталин разрешил крымским татарам вернуться в Крым, лишь поставил им условие: не трогать тех, кто поселен в дома бывших владельцев, не устраивать беспорядки. Советское правительство выделяло средства для возведения жилья и создания новых совхозов.

В колхозах и городках, где жили депортированные, были проведены партийные собрания, на которых объяснили, что вначале в Крым поедут неженатые юноши и девушки, которые построят новые дома и предприятия. Через год-два поедут семейные люди, которые получат эти квартиры, начнут работать и получать зарплату. Затем государство планировало отправить стариков.

Из Узбекистана в Крым ушел первый эшелон. Мама сопровождала один из вагонов в том первом эшелоне, всех его пассажиров знала в лицо, на прощанье всем желала счастливой жизни в будущем.

Но как только молодые люди оказались в Крыму, они тут же устроили резню. Виновников дебоша, конечно, в течение 3 дней отловили. Бывшие его пассажиры умоляли проводников помочь им тайком вернуться к своим семьям... хотя бы под вагоном. Как могла, мама спасала, прятала и, рискуя собой, привезла некоторых из них домой.

Наученный горьким опытом, Сталин больше не возвращался к этому вопросу. Вернуть крымских татар в Крым не решился и Хрущев, хотя репрессировал всех без разбору.

Английская королева попросила кое о чем Горбачева. Угодник тут как тут... все для макиажной королевы! И разрешил вернуться депортированным без какой-либо разумной схемы возврата.

И вновь многочисленные беспорядки... Крым опять превратился в зону разломов, конфликтов и резни.

Да и крымских татар ничему не научила жизнь, коль много лет стучат они своей ненавистью, будто колуном, по головам других народов, вынуждая и нас пристальной взглядеться в прошлое и, в свою очередь, предъявить свой счет за преданных и убитых.

03.03. 1942 г. газета «Азат Крым» писала: «После того, как наши братья-немцы перешли исторический ров у ворот Перекопа, для народов Крыма взошло великое солнце свободы и счастья»...

Предлагаем в этот день отмечать дату крымско-татарского геноцида по отношению ко всем остальным народам Крыма. Сталин уже дважды гражданскую войну предотвратил. Однако не оценили...

И как же прав был Советский народ, который государственным постулатом избрал вначале верность Родине, потому на фронте перед атакой кричал: «За Родину, за Сталина!»

А поскольку Родина была на первом месте, то бой с наглой фашистской многомиллионной ордой, вобравшей в себя и предателей, наши отцы и выиграли.

Почему нынче я должна думать иначе, коль наша страна вобрала в себя больше сотни луноликих прекрасных народов?

Жизнь показала, когда вначале в мозгах религия, потом — остальное, таким не помогает почему-то даже... Бог. Может потому, что не нуждается вовсе в многовековом подхалимаже?

И когда вначале нажива, это тоже показала жизнь, потом — остальное, государство разлетается, как ветхий горшок, на черепки.

Конечно, по дороге к автобусной остановке мы с Дилей еще долго говорили о жизни.

— Видишь, до чего красив мир! — воскликнула она. — Как хороши листочки, трава под ногами... Это все сотворил Аллах.

Кажется, я услышала за спиной вздох. Оглянулась, никого... Через мгновение поняла: это вздохнул на том высшем свете Николай Николаевич, наш учитель астрономии, который говорил иное: в центре Вселенной — Солнце, и как только этот начальник нашего Космоса рассердится, кинет жгучие гейзеры на сотню километров в высь, сразу же на Земле засуха, либо лишняя, едва ли не в восемь метров над полями вода... И Марс отчего-то сгинул, хотя на нем вроде бы прежде жили какие-то живые существа. И Венера задохнулась без воздуха и воды. Зачем Аллаху не только созидать, но и разрушать? Зачем богам пустыни, мрак, слезы, беды, сдвинутые континенты, цунами, отмершие, как былинки, народы? Разве высшие силы не заинтересованы в том, чтобы в каждом уголке Вселенной были гармония, одни только счастливые вздохи, равенство всего живущего на Земле?

— Скажи, почему ты не замужем? — спросила вдруг меня Диля, выпятила грудь колесом и сложила губы трубочкой, как это делают некоторые семейные женщины, которые не в меру гордятся своим положением. Как будто одним только фактом замужества они более значимы в жизни.

Овета моего она не заждалась.

— Не умела прощать измен.

— Гм... Насколько мои родители были мудрее, — облегченно вздохнула она и окунулась в далекое прошлое. — Мои бабушки, которые все время читали Коран, говорили иное: «Дилечка, измены ничего не значат. Он ведь домой вернулся, к твоим детям. Тебе деньги принес. И плевать на измены. Надо быть покорной». Мой муж работал в отделе, где много женщин, конечно, он мне время от времени говорил: «Дилечка, они так на меня смотрят... Не мог иначе. Прости...»

— Прощала?

— Брала в руки Коран. Там же написано, что мужчина имеет право иметь четырех жен. Значит, я должна делать все, чтобы моему мужчине было хорошо...

— Если бы он привел в дом вторую жену? И третью...

— У меня подружки бы появились... Так я все одна и одна...

— А деньги с подружками готова делить? Уже не одной тебе пришлось бы золото щипчиками от куска отщипывать. И кусок мяса с базара был бы уже не для тебя одной, если бы так же поступил твой отец... На этот особняк у моря опять же претендовали бы нынче многие...

Такая логика возможных событий, кажется, была не силам Диле. Она не догадывалась, что в измену, кроме ревности, заложено столько бомб. Что в измене, в предательстве — много слез, страданий, уйма утрат. Униженные, а то и убитые жизни. Выросшие в беде дети... Тут и татарские бабушки ничего не подкажут такого, чтобы спокойно вынести подобный разворот бытовых и гражданских историй.

Идущая рядом со мной «элита» как-то неловко вдруг загребла ногой, и я ненароком отлетела к обочине.

— Значит, не все правильно пишут в книгах с мировоззрением седьмого века? Выходит, не всегда надо быть покорной? — спросила было я, но землячка моя, как всегда, вопроса не слышала. Она внимательно глядела на дорогу, из-за поворота которой вынырнул автобус.

— Тогда почему предательство во время войны должен был простить Советский народ?

Когда подошел автобус, мы с Дилей не попрощались. Мы обе — глядели в разные стороны... ▲

Когда-то Муса Джалиль, погивший в Моабитской тюрьме в Германии, написал следующие

строки:

**«Я клятву дал — служить
своей Отчизне,
Пока живая кровь
гудит во мне.
Да если б ты имел
и сотню жизней,
Ты разве бы
не отдал их стране!..»**

**Этот святой завет оставил нам
татарин. Другой татарин. Советский.**

И о таких немало написано.

Много хорошего...

PS. Антисоветский фильм «Хайтарма» о депортации крымских татар также был создан на деньги, которые бизнесмену Лянуру Ислямову заработали в России русские мужики. Неужели Измена и нынче — главный вектор крымской и российской Истории?